

Цяо Лан прежде никогда не испытывал ничего подобного. Казалось, накативший со всех сторон жар вот-вот поглотит его целиком, за считанные мгновения сжигая остатки разума. Лишь невероятным усилием воли юноше удавалось сдерживать срывающийся с губ стон.

Он лишь смутно услышал, как Ши Шэнся что-то произнёс, после чего земля ушла из-под ног — Альфа легко подхватил его на руки. Наверное, из лучших побуждений.

Вот только если бы у Цяо Лана не оставалось той последней капли ясности, подсказывавшей: стоит разжать губы, и сдавленный стон вырвется наружу, — он бы молил Ши Шэнся бросить его прямо у дороги.

В полном отчаянии Цяо Лан уткнулся лицом в грудь Альфы, погружаясь в бред сменяющих друг друга жгучих волн, и сам не понял, в какой момент окончательно потерял сознание.

Очнулся он в глубокой, невероятно мягкой постели.

С трудом преодолев слабость, Цяо Лан резко сел. От чересчур быстрого движения к голове подступила легкая тошнота, и он невольно издал сытую отрыжку.

Юноша тут же испуганно прикрыл рот ладонью.

Это странное ощущение неестественной полноты не поддавалось логике. Словно он за раз умял четыре пиалы риса или залпом осушил эликсир бодрости — тело пронизывала диковинная, лихорадочная энергия. Впрочем, испепеляющий жар, казалось, окончательно улегся, оставив лишь слегка повышенную температуру.

[Карточка «Судьба 2»]

[«Изысканнейшее лакомство, поистине само совершенство»]

[Карточка «Судьба 2» выполнена]

Чёртова карточка! Что вообще этот проклятый артефакт сотворил с его телом?!

Какая разборчивость! Выбирал-выбирал, и идеальным источником оказался именно Ши Шэнся. Да требования этой системы сложнее, чем банк ограбить! Если бы не случайность...

Цяо Лана одновременно жгла стыдливость и злость. Сложно назвать произошедшее банальным наслаждением — скорее уж это походило на некое грубое, насильственное насыщение... Стоп.

Если он сам сейчас полон сил, то что случилось с Ши Шэнся, которого он поглотил — вернее, к которому прикоснулся?

Цяо Лан мигом встрепенулся и огляделся. Помещение не походило на больничную палату. Просторная, но довольно скупо оформленная комната: кроме пышной кровати с балдахином на четырёх столбиках, из мебели имелось лишь самое необходимое — явный знак того, что это гостевой покой. Яркие солнечные лучи пробивались сквозь окно, падая на мягкую оттоманку в изголовье.

Он сбросил одеяло и невольно окинул взглядом собственное тело ниже пояса.

Вроде всё в порядке... Похоже, те обжигающие волны были лишь фантомами разгорячённого разума? Впрочем, сквозь остатки оцепенения Цяо Лан и сам не совсем понимал, чему именно так радуется.

В этот миг запертая дверь бесшумно отворилась, и в комнату вошел Ши Шэнся. За его спиной маячили двое: один — судя по виду, врач, а второй, пожилой мужчина в безукоризненном костюме, смахивал на управляющего.

Ши Шэнся окинул эскулапа холодным взглядом, и тому не потребовалось лишних слов: врач беглым шагом приблизился к кровати и мягко поинтересовался самочувствием пациента. Цяо Лан хотел было возразить, что абсолютно здоров, но слова застряли в горле. Пришлось подчиниться: вытерпеть осмотр и измерение температуры.

Доктор пребывал в замешательстве. Принимая вызов по телефону и ориентируясь на сбивчивые описания нанимателя, он готовился к наихудшему — шоку или инфекции центральной нервной системы — и втайне удивлялся, почему больного не доставили в реанимацию. Однако на деле, если не считать лёгкого субфебрилитета, парень был пышущим здоровьем крепышом.

Чудеса, да и только. Почесав затылок, врач всё же выписал рецепт.

— Ничего страшного. Нужен лишь полноценный отдых да трёхдневный курс лекарств.

По правде говоря, юный организм справился бы и без таблеток, но эскулап следовал принципу «раз уж пришел — лечи».

Цяо Лан растеряннo кивнул и принялся похлопывать по карманам в поисках карточки, чтобы расплатиться за вызов. Врач с улыбкой отказался и переглянулся с Ши Шэнся, после чего поспешил удалиться, сославшись на необходимость приготовить микстуру. Управляющий испарился следом за ним.

В комнате остались лишь двое.

Цяо Лан неловко комкал край покрывала. Опомнившись, он мгновенно выронил ткань и подобрался, поднимаясь с кровати.

— Старшекурсник, спасибо вам. Я в порядке, просто тогда...

А что «тогда»? Завершить фразу не хватало духу. О столь диком и унижительном происшествии хотелось забыть раз и навсегда.

Ши Шэнся сделал шаг навстречу. Комната казалась огромной, но по мере приближения Альфы Цяо Лан всем нутром ощутил давящую, первобытную мощь его ауры. Он порывался отступить, но, упершись бёдрами в край ложа, замер — бежать было некуда.

Ши Шэнся снова протянул руку. Едва прохладная ладонь коснулась щеки Цяо Лана, как того пробила крупная дрожь. Телесная память, хранящая воспоминания о недавнем безумии, отозвалась мгновенно.

Потребовалось усилие воли, чтобы не отшатнуться. Цяо Лан заставил себя не отворачивать головы и вскинул на Альфу растерянный взгляд.

Старшекурсник возвышался над ним, почти целиком накрывая своей тенью. Его пальцы скользнули к уголку глаза бета-юнца, негромко и с нажимом потерев кожу — словно он не доверял диагнозу врача и желал убедиться во всём лично. От этой властной, непререкаемой манеры у Цяо Лана перехватило дыхание.

— Старшекурсник...

— Чего ты боишься, Цяо Лан?

Вопрос застал юношу врасплох. Взгляд его оставался недоуменным, однако тело предательски натянулось, точно струна. Беты лишены возможности ощущать тонкие оттенки запахов, и он не мог знать, что комната постепенно наполняется незримыми флюидами феромонов Альфы. Эта едва уловимая эманация действовала как сильнейший раздражитель.

Ноги Цяо Лана внезапно налились тяжестью. «Что со мной? Неужели отголоски недавнего жара?» — пронеслось в голове.

— Ты меня боишься.

Голос Ши Шэнся прозвучал холодно — так рыщет хищник, обходя свои владения и неожиданно обнаруживая, что помеченная добыча вознамерилась сбежать.

Цяо Лан вдруг улыбнулся, и его лицо мгновенно ожило, вспыхнув яркими красками.

— А кто вас не боится, старшекурсник? — произнес он тихо, но неожиданно дерзко. — Я всего лишь такой же, как все.

Одно дело — знать, что все вокруг трепещут, и совсем другое — услышать это вслух. Впрочем, оба понимали: этот внешне смелый ответ — лишь хитроумная уловка, попытка уйти от сути вопроса.

Вокруг Ши Шэнся всегда толпились люди, жаждущие хотя бы беглого его взгляда. Цяо Лан не предполагал, что тот окажется настолько проницательным — одной случайной встречи у дыхательной комнаты хватило, чтобы прозреть фальшь.

Но признаться в правде юноша не мог. Прояви он слабость — и это сочли бы мольбой о покровительстве; промолчи — и Ши Шэнся истолкует всё превратно. А ну как тот разозлится? С его-то выправкой Альфы... Цяо Лану хватило бы одного удара, чтобы расстаться с жизнью.

Перед глазами снова возникла та хватка, из которой он так и не смог вырваться. Цяо Лан украдкой коснулся взглядом ладони Ши Шэнся. Согласно описанию карточки «Судьба 2», поглощение чужой жизненной силы должно было вызвать у донора недомогание. Но по Ши Шэнся ничего видно не было. Его сильное, идеальное тело не давало ни единого сбой. Цяо Лан невольно почувствовал укол зависти.

Он и не подозревал, что любое, даже самое беглое движение его глаз открыто для Ши Шэнся как на ладони. Этот Альфа с обострёнными сверх меры чувствами походил не столько на человека, сколько на дикого зверя.

Как и сейчас: Ши Шэнся явственно чуял исходящий от юноши запах тревоги. А там, под навесом у дыхательной комнаты, он обонял нечто иное — необузданное, дикое вожделение.

Подхватывая обессилевшего Бету, Ши Шэнся словно бы случайно наклонился ниже и вдохнул ещё более густой, дурманящий аромат. Так благоухает спелый плод, готовый лопнуть на ветви и сочащийся пряной, хмельной гнильцой.

Прежде от Цяо Лана всегда пахло чистотой, словно вокруг него простиралась ничем не запятнанная стерильная зона. Именно это и привлекало Ши Шэнся.

Но почувствовав от него этот приторный, удушливый флёр страсти, Альфа ощутил дикое желание впиться зубами в сочную мякоть и выпить всю влагу до последней капли.

Ему хотелось снова увидеть то заходившееся в румянце лицо. Позор, отчаянную борьбу... Яркие капли сурика, расцветшие на белом нефрите.

Странная, неутолимая жажда. Внутри Ши Шэнся медленно разгоралось пламя.

И вот теперь Цяо Лан, погасив порыв вожделения, с чистым, непорочным видом произносит лживые слова: «Я всего лишь такой же, как все».

Он порывается отступить, ускользнуть лёгким весенним ветерком. Пусть даже на шаг — но Ши Шэнся не позволит.

Зверь подался вперёд, обнажая хищный оскал хозяина охоты.

Ускользающий, свободный ветер...

Ши Шэнся вознамерился поймать ветер.

<http://bllate.org/book/19566/1934275>